

A close-up portrait of a middle-aged man with thinning grey hair and a light beard. He is wearing a dark brown ribbed turtleneck sweater over a blue collared shirt. The background is a plain, light blue-grey color.

Юрий Энцов

*Разговор с
ангелами*

Стихи

Издательские решения

Юрий Енцов

Разговор с ангелами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8226537

ISBN 978-5-4474-0106-1

Аннотация

Автор этих стихов – и юноша, и молодой человек, и взрослый – для кого-то старый, один в трех лицах. Три в одном. Просто годы проходят очень быстро. Когда-то очень давно я прочитал рассказ о том, как на землю спустился ангел с крыльями. Он стал одним из людей. Наверное этот рассказ подействовал на меня больше чем я думал в начале. А быть может это была правда.

Содержание

Воспоминания	4
Из датских времен	4
Марш конкистадоров	6
Баллада о рыцаре, синьоре и вассале	8
Воспоминание	9
Огни святого Эльба	11
Наблюдения и размышления	12
Соната для вокзальной гитары	12
Я устал дышать	14
В лесу	16
Подражание Д. Б	20
Океан возвращает все время	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Енцов

Разговор с ангелами

Воспоминания

Из датских времен

«О, бедный Гамлет!» – шут сказал,
и на могильный камень
упала мутная слеза.

На черный камень под ногами
в звенящих пестрых башмаках.
Все это быть могло, а, может, было
в давно минувших сумрачных веках —
такая встреча над могилой.

«О, бедный государь, ну как же так,
и как же получилось это,
что вы мертвы, а жив дурак?
Скажите мне, я жду ответа!».

И как могло случиться лишь тогда,
подобно старому вдруг Гамлет молодой,
печальной тенью став, пришел и дал
ответ: «Моей бедой,
и, может быть, твоею, Ёрик, тоже,

мой милый шут, явилось то,
что на шутов мы лишь похожи...
Похож на жабу бог Тритон,
а звезды в небесах – на светляков,
и мы лишь до тех пор на свете живы,
пока покладисто и терпеливо
проигрываем роли дураков».

Марш конкистадоров (Подражание Киплинг)

Вперед за синий лес,
идти устал – беги,
ведь близок край небес,
пусть сбиты сапоги

и фляга пусть пуста,
но в небе голубом
чуть видная звезда
пьянит сильнее, чем ром.

Пусть под кирасой взмок
рубахи ветхий шелк,
гляди смелей, стрелок,
ведь горн еще не смолк.

За тысячью ветров
остался отчий дом,
твой долгий путь суров,
но он в тебе самом.

Прямей держи мушкет,
ведь близок край небес,
ты там найдешь ответ,

зачем теперь ты здесь.

Быть может, рок грозит
прервать твой славный путь,
на небеса вблизи
ты обречен взглянуть,

а, может, горизонт
опять отступит вдаль,
а с ним и цель уйдет,
но к ней пути не жаль.

И сквозь преграды все,
сквозь стрелы дикарей
к заветной полосе
скорей, спеши, скорей!

Баллада о рыцаре, синьоре и вассале

Ты верен себе и не плачешь,
сжимая тяжелый эфес,
с бриллиантами легкой удачи,
на кои беспечно по трачен
святой палестинский трофей.

Скрывает колпак кумачовый
лицо, дорогое вчера,
с которым свергали основы,
с которым мы встретились снова
в компании его топора.

Он верной рукою когда-то
придерживал мне стремяна.
Не знали вернее солдата,
но вот, головами богата,
на плаху взирает страна.

Платочек взмахнул одиноко,
так дым разгоняют и сон,
зажмурилось в прорези око,
быть может кто вскрикнет, но только,
не я, и не ты, и не он.

Воспоминание

Прованс. Французский без прононса
немного исковерканной латыни
и викингов – плечо к плечу
– чуть хрипловатый слог.
Немного мавританского – немного,
и что-то от испанок белокурых,
и – древнерусский. Почему? Не знаю.
А, впрочем, может, сходство и случайно.
Но что закономерно – это то,
что я вверяю знаком звуки,
испорченные временем слова
славянской речи.
Впрочем, было б легче
мне говорить на чьем-нибудь другом,
другом наречии.
Кто мне объяснит желанье это?
Может, счастлив тот,
кто видит несомненное отличие
и разность языков, путей и троп,
и рад идти своей родной тропею,
а не метаться, как мечусь,
прислушиваясь к звукам,
я.
А звуки эти пропадают в шуме ветра,
когда расходится туман,

И утренние сны – с туманом вместе.

И утренние сны туман уносит
куда-то в сумрачный лесной распадок,

И вот для моего доступен взгляда
стал замок графа Пуатье.

Он сам верхом по лугу скачет,
без свиты, сокол на руке.

И, незамеченный никем,
я покидаю влажный бор:

– Как спали, граф?

– О, это вы, я рад увидеть вас, де Борн

Огни святого Эльба

Вы видите, Огни святого Эльба!
И значат они – кое-что случиться,
на реи сели огненные птицы,
всем комендорам: превращаем стрельбы!

Всем комендорам: за борт фитили!
и порох вместе с ними за борт, за борт!
Вы слышите знакомый серный запах —
чёрт наш корабль как фитиль запалил!

Окончен бой и в штормовой волне
мелькнёт в последний раз погибший парус,
мы не одни, а с дьяволом на пару,
и в верности клянёмся сатане!

И он нам славно мачты разукрасил
своим холод своим холодным сумрачным огнём
и задрожала стрелка на компасе,
а это значит, мы куда-нибудь дойдём.

И это значит: мы сегодня живы,
и вновь под флагом старого корвета
увидим завтра первый луч рассвета,
нас снова ждут пассату и проливы.

Наблюдения и размышления

Соната для вокзальной гитары

Откуда эта тяга к перемене мест
и что тебя ведет, несет по свету?
Вчера ты где-то был, а нынче здесь
и забываешь быстро это «где-то».

Зачем? Зачем же эта перемена мест?
То там, то здесь твои напевы слышим,
быть может, крови бешеная смесь
тебя зовет, и ты в дорогу вышел.

Что значит тяга к перемене мест?
Наверно, ищешь что-то на планете,
но можешь даже в облака залезть,
ты никого не ошарашишь этим.

Пустая тяга к перемене мест,
она, наверно, очень, очень скоро
тебе наскучит, дико надоест,
и ты навек забудешь зов просторов.

Исчезнет эта тяга к перемене мест.

исчезнет так негаданно-нежданно,
как в белом дыме выцветших небес,
пыль от колес степного каравана.

Я устал дышать

Я устал дышать, и устал смотреть,
песни петь, мечтать, по ночам летать.
Даже волком выть – я устал.

Мне б прилечь, отдохнуть, как бывает с людьми,
но будь миг, что для сна предназначен,
я бросаюсь в него не для сна – для любви
и. увы, не умею иначе...

Торопящийся мир, загляденье,
лучезарность, сияющий бред —
убивающее наслаждение – мне все это иметь.

И нельзя понять, охватить всего,
в необъятности раствориться,
чтоб коснулся меня гор седых разговор,
чтоб узнать, что щебечут птицы.

А щебечут они, что, устав щебетать,
захотели упасть и разбиться,
а горам утомительна их высота,
но приходится с нею мириться...

Тем, кому утомительны рифма и ритм,
кто боится привычного слога,

кто стремится созвучия не повторить
и не может, тому – путь-дорога

между гор и летящих в заоблачье птиц
в ледящую ласковость дали,
прочь привычных раздумий, мелькающих
лиц, – ни судьбы, ни души, ни печали.

В лесу

Я шел и не слышал, как пели соловьи
И не видал, как звезды загорались,
И слышал я шаги, шаги не знаю чьи
За мной в лесной глуши неслышно повторялись.

Я. Полонский

Мой кереметь, мой бог, мой идол.
Я в вас играл, когда мои друзья
друг в дружку весело из-за кустов стреляли
и попадали,
после – оживали,
друг друга на тропинках догоняли,
и снова в игры вечные играли,
еще не ведая, что можно проиграть.
А у меня была моя икона —
хороший парень, живший так давно,
давным-давно, во время оно,
когда надежды правили страной.
Я полюбил как он шутить со словом,
магическим бесстрашием гордясь,
И гордо чувствовал в основе
судеб
магическую связь...
Все было внове, внове, внове,
и я сурово хмурил брови

совсем как он,
как он. Как он
собрался ставить жизнь на кон,
а вышло – на кол.

Но, однако,
о том – позднее как-нибудь,
ведь все равно – поди забудь.
А нынче же о том, что юность
проходит, оставляя память,
которая – побеги тополей,
и на коре шершавой шрамы,
которая – тропинки на земле.

Я по одной из них шагаю,
Стараясь не шуршать листвой.
Тень на земле. Но вот – другая,
меня тревожа и пугая,
маячит предо мной:
– К чему деревьям звуки речи?
Я слышу эхо, может быть, оно
есть слов моих немое отражение,
а может быть, как это ни смешно,
я сам пустое чье-то продолженье?
Зову по имени,
но не отозвалась
мелькающая впереди фигура.
Бегу, спешу, едва дышу,
В надежде обогнать или проснуться.
Не слышит. Листьев мерный шум

все глушит,
и листва ему мешает оглянуться.
Но кончился зеленый коридор,
Легла меж нами чистая поляна.
Он обернулся.
Это Командор!
И послан, видно, наказать смутьяна.
Он обернулся,
с очень давних пор
известно – это
верная примета:
пора начать серьезный разговор.

Но я молчу, мне нечего сказать!
Стоим по обе стороны поляны,
и ждем. Чего же? Пары пистолетов?
А если нет, тогда чего?
Тех, кто ушел, навеки сгинув?
А может тех, кто не дошел?
Он ждет вопроса по уставу духов,
Но я молчу, мне нечего сказать.
Быть может, я уже убит
и время грянуть оземь?
Быть может я мертворожден
и сам того не знал?
Но я стою, еще стою
пред ним в надменной позе,
и он стоит, глядит без зла,
и ждет, и ждет пока.

– Вы достоиньтесь, Командор,
Я вас предупреждаю,
Мы домолчимся до того,
что нам не хватает сил...
Мы стоимся до того,
Что станут птичьи стаи,
Нас простодушно позабыв,
На ветках голосить...
Но что с того!
Какое нам
до птиц веселых дело?
Они поют
затем чтоб петь
и чтоб иметь подруг.
А нам бы звук
произнести,
и эхо чтоб допело,
чтоб затерялись голоса
на сумрачной тропе.

Подражание Д. Б

Слова простые: ветер, дождь, случайность,
и символов нечаянных рожденья
мне предрекают, всеу обещают
листом забиться на намокшей ветке.
Туман и слякоть – славная компания,
для зелени, которой нет предела,
и дела нет вселенским водоносам
ни до чего, ни до чего...
И брызги бегают по листьям недалеким
повиснувшим в сплетенье струи и газа,
глаза хватают их среди полета,
и что-то исчезает в трепетанье,
и что-то появляется и гаснет
среди гуслей струй и музыки ветвей,
в разрывах из нелепых пешеходов
и в мареве замедленного дня.
Все это – прихоть моего ума.
а, может быть, неведомые свету,
приметы уходящего в неясность,
исчезнувшие ныне навсегда.

Океан возвращает все время

*«Океан выбрасывает лишнее...»
Ныне забытый поэт А. Щ-в*

Океан возвращает все время,
что ему не принадлежит,
что ему – непосильное бремя,
то он складывает у межи

между миром людей и собою,
не берет ничего вообще,
позволяет он только прибою
до чужих прикасаться вещей.

Он шевелит волнами кокосы
из далеких приплывшие стран,
ведь в Гвинее, наверное, осень...
И куда-то направился краб

меж струящихся воли и ракушек.
волны мочат животик ему,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.